

*Все, что здесь описано,
привиделось автору во сне
и правдой никак быть не может.
Редкие же совпадения случаются
в жизни нечасто, но бывают.
Позволим их автору и простим.*

Аугсбург. 21 декабря 1675 г.

Первый раз за всю зиму в доме было холодно, погода решила доказать жителям Аугсбурга, что зима должна быть снежной, и покрыла дороги тонким белым покрывалом. Габриэль куталась в меховой жилет, но настроение от холода не портилось. Сегодня ей исполнялось восемь лет, по этому случаю отец готовил большой праздник, а это всегда очень весело и вкусно. Андреас Майер очень любил свою единственную дочь и готов был для нее даже луну с неба достать, если вдруг дочка велит. Вот внизу стукнула дверь — это вернулся с работы отец. В надежде на подарки и поздравления юная Габриэль выскочила из своей комнаты и помчалась ему навстречу. Отец сидел за столом с несвойственным ему каменным лицом.

— Что-то случилось? — спросила именинница в страхе услышать ответ.

— Сядь, — как-то виновато сказал Андреас. — Габриэль, ты уже взрослая, ты должна меня понять, я хочу для тебя лишь блага. Мы всего лишь фрайхлерры, да, мы зажиточны, даже богаты, но лишь «вольные господа», ты же у меня достойна большего. Ты знаешь, сегодня тебе исполняется восемь, а это значит, что ты уже можешь обручиться с выбранным женихом. Мне хочется дать тебе все, только титул я тебе дать не могу. Сегодня ты обручишься с графом Питером фон Кафенбургом, и через шесть лет, когда тебе исполнится четырнадцать, вы обвенчаетесь и ты станешь графиней.

— А подарки сегодня будут? — наивно спросила Габриэль, искренне не понимая, почему отец так расстроен.

— Конечно, так ты согласна? — видно было, что у Андреаса Майера отлегло от сердца, он очень сильно любил свое чадо, и, возмутись она сейчас, он не смог бы ей перечить. Андреас понимал, что граф — старый сорокапятилетний вдовец, но этот брак был очень необходим обеим семьям. Габриэль приобретала титул, а поистратившийся граф — хорошее приданое. Но не это было главной причиной для графа Питера фон Кафенбурга, он хотел избираться в ратманы, а недавно был принят закон о том, что холостой и даже вдовец не имеет права быть членом магистрата.

— Конечно, папа. — Для маленькой Габриэль шесть лет — это была целая жизнь, а портить день рождения совсем не хотелось.

— Ты моя умница, — отец погладил дочь по красивым русым локонам и достал из кармана шкатулку. — Тогда ты должна сегодня сделать подарок своему жениху, такова традиция. Смотри, это новинка, называется «запонки», крепятся они вместо завязок на рукава рубашки, только богатые и знатные мужчины могут себе это позволить. Я отдал за них сегодня сто пятьдесят гульденов. Остальные вопросы мы обговорим с графом без тебя.

Габриэль увидела в шкатулке два мудреных украшения, они были абсолютно одинаковы, с одной их стороны была золотая пластина без всяких излишеств, а вот с другой она была сделана как распустившийся цветок, в середине которого находилась большая черная жемчужина в окружении россыпи бриллиантов. Две такие неодинаковые половины соединяла небольшая золотая цепочка.

— Хорошо, папочка, — ответила Габриэль и нетерпеливо добавила: — А мне подарки будут?

Шкатулка с подарком для жениха утонула в кармане ее платья, более не удостоившись внимания именинницы.

За десять дней до Нового года

У Марии Ивановны Денисовой, почетного офисного работника, кончились силы. Она всегда считала себя сильной, и когда кто-то смел ее жалеть, Маня, смеясь в лицо, говорила:

— Глупости, я самая счастливая, и у меня все хорошо. — Ну, во-первых, так рекомендовала делать ее любимая писательница Наталья Правдина, защитница и помощница всех несчастных женщин, а во-вторых, она не любила, когда ее жалеют, это категорически не сочеталось с ее воспитанием в духе леди.

С самого детства ее воспитывали с мыслью, что леди не имеет морального права показывать, что у нее какие-либо неприятности, для окружающих у леди всегда все хорошо. Улыбаться при любых обстоятельствах, а если слезы все-таки предательски потекли из глаз, есть два объяснения: смех или соринка. Леди всегда сохраняет собственное достоинство и уважение к окружающим.

Но только что случилось страшное, только что начальство вызвало Марию Ивановну и сообщило ей новость, от которой она не смогла сдержаться и расплакалась прямо в кабинете начальства, — ее увольняют. Не дают даже отработать, как положено, две не-

дели, а если она будет сопротивляться, грозили уволить по статье. Был бы человек, как говорится, а статья найдется.

И вот сейчас, за десять дней до Нового года, она вспомнила все беды, что нанесла ей жизнь, все свои несчастья. Ей сорок лет, она не замужем и никогда скорее всего уже не будет, у нее нет детей, и это самое большое ее личное горе. Еще она до сих пор живет с родителями, ну, это, скорее, из-за того, что Маня до жути боится спать одна в квартире, но все-таки факт. Апогеем же ее невезучести стало увольнение с работы просто потому, что кризис, просто потому, что ее не жалко, а то, что она отдала этой фирме свои лучшие девятнадцать лет жизни, никого уже не волновало.

— Маш, не плачь, — к столу, за которым Мария обливала слезами свое невезение, подошла ее коллега Лариса. Они последние два года делили один кабинет и, как казалось самой Марии, даже немного дружили. Лариса, худая, с заостренными чертами лица, узкими губами, маленькими глазами и длинным острым носом, выглядела несколько отталкивающе. Она была моложе Мани на пять лет, но в свои тридцать пять имела двоих детей, мужа и совершенно не имела принципов.

— Ну, представь, если бы уволили меня? — продолжала утешать Лариса. — У меня двое

детей, и муж — козел, который работает за десять тысяч и шевелиться больше не хочет, и свекровь больная, которую я, как факел, тащу индивидуально. А ты одна, никто на шее не сидит, живешь с родителями, тебе легче, найдешь работу даже лучше, чем этот клоповник.

Утешение, конечно, было так себе. «То ли Лариса-крыса не умеет утешать, то ли намеренно колет меня по больному», — подумала про себя Маша. Склоняясь к последнему, она решила, что хватит радовать коллег своим горем, пора успокаиваться, необходимо срочно вспомнить, что она леди. Маня встала, достала большой пакет для мусора и начала скидывать туда свои вещи, за девятнадцать лет работы в одном кабинете их накопилось очень много.

— Да, одним пакетом не обойтись, — это Маша сказала больше себе, чем Лариске, которая моментально потеряла к ней интерес, будто и не собирались они еще полчаса назад вместе идти обедать, и достала второй. Врагам оставлять ничего не хотелось, поэтому в пакет летело все — стикеры, дыроколы, даже лейки для цветов, все это она покупала сама и поэтому имела стопроцентное право.

Мария Ивановна, а для близких Маня, для родителей же Манюня, была средняя. Ну, вся

такая никакая. Если вы спросите у ее коллег и знакомых, как выглядит Мария Денисова, они скажут: «Ну... — Потом будет минутная пауза и окончательный вывод: — Никак». Среднего роста, среднего телосложения, русые волосы подстрижены в стиле каре, даже глаза подвели — они были никакие, то ли карие, но очень светлые, то ли зеленые, но темные, в общем, болото болотом. Так было всегда, даже начальство, которое менялось два раза в год, очень долго не могло запомнить среднестатистического работника с таким банальным сочетанием имени и отчества.

Кое-как натянув на себя дубленку, которая в этом году как-то уж очень туго надевалась на хозяйку, Маня, чтобы не расплакаться, думала только об этом. «Села, наверное, вот ведь предательница, лучше бы шапка поступила так», — размышляла она, протаскивая мешки к лестнице. Шапка в отличие от дубленки, наоборот, растянулась и постоянно сползала на глаза, жутко раздражая этим и без того расстроенную хозяйку.

— Держитесь, ребята, нам только до машины добраться — и мы дома, — Маша разговаривала с мешками, это ее немного пугало. «Но, возможно, это выход, — думала она, — сойду спокойненько с ума — и мир сразу станет прекрасен». Неопытная, еще и безработ-

ная, она пыталась находить во всем позитив, вспоминая всю информацию, какую имела на этот счет. Руки были заняты неудобными пакетами, дамская сумочка, которая выглядела как маленький баул, сползла с плеча и повисла на локте, отчего пакеты пришлось поднять. Унести вещи частями — такой вариант Маня отмела сразу, ей не хотелось радовать коллег своим зареванным лицом, плюс ко всему еще вчерашняя приятельница Лариска уже уверенно располагалась за ее столом, а ведь это стол начальника отдела. Естественно, ее это покорило, но Маня даже не хотела об этом думать, поэтому просто заблокировала информацию до лучших времен, когда она без слез сможет рассуждать на эту тему.

Именно поэтому было принято осознанное решение уйти сразу со всеми вещами — как говорится, уходя — уходи. Каждая ступенька давалась с трудом, но один пролет лестницы был пройден, а значит, это успех. Рано обрадовавшись, Маня занесла ногу на следующую ступеньку и полетела вниз, шапка-предательница в самый неудобный момент закрыла глаза, и унижения данного дня продолжились.

«Будь что будет», — подумала Маня и смирилась на мгновение с происходящим. Пока летела по лестнице, было больно и обидно, она разными частями тела ударялась то о ступени,

то о перила, но приземление, как ни странно, было мягким и комфортным. Манюне было страшно даже посмотреть, что за матрац смягчил ее удар. Когда же спаситель заговорил, все встало на свои места, она узнала голос главбуха, очень полного и пожилого человека.

— Мария Ивановна, я имею вам что сказать: не нужно так нервничать и убиваться за то, что вас таки уволили, за это вам точно не заплатят.

— Роберт Моисеевич, я случайно, простите меня, — начала оправдываться перед главным бухгалтером Марья.

— Я послушаю все ваши за, если вы освободите мое тело от ваших прелестей, — перебил ее главбух.

Марья стянула шапку-предательницу с головы и кое-как приняла вертикальное положение. Бедный Роберт Моисеевич Кац лежал на полу и никак не мог подняться — мешали пузо и возраст, его папки тоже были разбросаны по полу. Манюне стало стыдно, очень стыдно, как она еще не убила этого бедного мужчину?

Еле сдерживая слезы, она подала руку, помогая встать главбуху. Охая и постанывая, он указывал ей на папки, которые при неожиданном падении Мани Роберт Моисеевич не смог удержать в руках. Свою ношу она

тоже не удержала, и, когда осмотрела холл первого этажа, куда так неосторожно приземлилась в обнимку с бухгалтером, ее охватил ужас. Вокруг валялось все содержимое ее прощальных пакетов. И сейчас, в разбросанном состоянии, все, что было нажито непосильным девятнадцатилетним трудом, производило впечатление мусора.

— Поднимите мне мои труды и даже не просите старого еврея вам помогать, ни мое достоинство, ни вес не позволят мне наклониться. — Роберт Моисеевич был человек тучный и не любил, да что там, просто презирал физические упражнения.

— Что вы, я сама, вы меня извините, как говорилось в одной старой рекламе, это был не день Бекхэма. Так вот, сегодня однозначно не мой день. Я только вчера вышла из отпуска, а сегодня меня уволили. — Маня, сначала собрав бумаги господина Каца, теперь не глядя сбрасывала все в свои пакеты, комом и не разбирая, все усилия бросив на то, чтобы не расплакаться. В пластиковых лейках, судя по всему, оставалось немного воды, когда Маня бросала их в пакет, теперь от этого блокноты и другая бумага стали мокрыми.

«А может, это от моих слез», — немного поэтически подумала Маня. Раньше, в детстве и в бурной молодости, Манюня писала стихи,

много стихов — они были лирические, наивные и ранили душу. Подруги просили почитать их на посиделках, а потом, вздыхая и вытирая слезы, хвалили ее творчество. Постепенно подруги исчезали из ее жизни, выходя замуж и обзаводясь детьми, а стихи становились все хуже и злее. Год назад последняя подруга, услышав от нее, что не осталось свободных нормальных мужиков, попыталась ее вразумить: «Правда? Все хорошие и неженатые мужчины были выслежены и убиты? А мой Ваня, которого я встретила всего полгода назад, — это единственный выживший в геноциде хороших парней? Ты придумала себе оправдание и живешь, упиваясь этой трусливой мыслью». Тогда Маня на нее обиделась, а вместе с последней подругой исчезло желание писать стихи. Зачем нужны стихи, когда некому их читать? Блокнот был заброшен, и даже мысль о стихах приносила душевную боль.

— Если позволите, Кац может дать вам совет, бесплатно, денег не надо, — увидев слезы на ее лице и, видимо, пожалев Маню, сказал Роберт Моисеевич. — Мы, евреи, говорим так: если проблему можно решить за деньги, это не проблема — это расходы. Вы сейчас думаете, что все закончилось, ни о боже мой, на самом деле вы только просну-

лись, поверьте еврею, прожившему жизнь и поменявшему за это время все и много раз.

Маня даже не смогла сказать спасибо Роберту Моисеевичу за теплые слова, ком встал в горле и не давал произнести ни одного звука.

— Так, Мария Ивановна, вы что, решили отомстить фирме за ваше увольнение и разгромить офис? — голос главного прозвучал, как всегда, высокомерно и не вовремя. — Напомните мне, кем вы работали в «Глобусе»?

— Я девятнадцать лет, — сдерживая слезы и продолжая собирать свои пожитки, ответила Маня, — проработала в отделе внешне-экономической деятельности, причем пять из них в должности начальника отдела. Начала свою карьеру сразу после института, и за время моей деятельности отделом было растаможено множество товаров, не было никаких грубых ошибок и нареканий, ничего, что принесло бы убыток фирме.

Последнее предложение она проговорила с гордостью и достоинством побежденного рыцаря. Но молодой начальник не оценил пафоса ее речи, он пришел на фирму всего месяц назад и считал все, что было до него, категорически неправильным, кадры же необходимо привлекать новые, молодые, энергичные. В общем, как всегда, у нас, русских: «...Весь мир насилья мы разрушим до осно-

ванья, а затем мы наш, мы новый мир построим...»

— Ну вот, работали экономистом-международником, а уходите как уборщица. Где ваше чувство собственного достоинства? Кстати, Роберт Моисеевич, вы подготовили расчет для нашей чудо-работницы? — обратился он к бухгалтеру.

— Новый год, все в напряжении, я работаю, но у меня не десять рук, дайте Роберту Моисеевичу еще хотя бы две — и он сделает все и еще немного. Я страшно занят, я скажу, когда можно радоваться и получать.

Маня не стала дослушивать этот разговор, собрав свою поклажу, она вышла на улицу. Но, видно, судьба сегодня решила испытать Марию Ивановну Денисову на прочность по полной программе. Выйдя из офиса и волоча по земле огромные черные пакеты, Маша вытирала шапкой тихо текущие слезы, но, когда она увидела возле своей машины Славика, слезы высохли мгновенно.

— О боже, — прошептала она и оглянулась по сторонам, ища пути отступления, но бежать было некуда — необходимо пробиваться к родному «жуку». Машину Маша купила год назад на собственно заработанные и бережно скопленные деньги, от этого она была еще более дорога и обожаема.

— Мария, здравствуй. — Славик замерз, нос был красный, а очки покрылись инеем. — Как здорово, что ты вышла раньше времени, а я уже настроился ждать до обеденного перерыва. Знаешь, я понял, почему у нас ничего не получилось. Вчера я решил не трогать наши дни рождения, взяв за аксиому, что это утопия, но ведь есть еще время рождения, этим немного, но можно подкорректировать анализ. Ты знаешь, во сколько ты родилась? Если нет, то не проблема, скажи роддом, и я подниму архив, на самом деле все не так сложно.

Маша понимала, что ни остановить, ни переубедить своего бывшего ухажера нет никакой возможности. Поэтому она молча, пока он нес какую-то чушь, поставила мешки в багажник, села за руль, очень быстро заблокировала двери машины. Когда Славик, продолжая говорить без остановки, попытался открыть пассажирскую дверь, Маше стало его даже жаль, и она, чуть-чуть опустив стекло, сказала:

— Славик, у меня сегодня тяжелый день, меня уволили, я не хочу никого видеть, прощай.

— Но, Манюня, не убегай от проблем, нам надо спасти наши отношения. Возможно, мы в шаге от победы.

Но Маня сегодня была не в настроении быть корректной со Славиком и поэтому выпалила:

— Значит, так, никаких отношений у нас не было и быть не могло. Мы с тобой просто одноклассники, которые по стечению разных обстоятельств до сорока лет остались холостяками. Приняла я твое предложение сходить на лекцию по астрологии и нумерологии просто от скуки и еще немного от безысходности.

— А как же наш шикарный поход в ресторан? — парировал Славик.

— Мы ходили в «Му-му», это столовая, просто поели борща, прошу заметить, за мой счет, — возмутилась Маня.

— А вот это с твоей стороны жестоко, ты же знаешь, я свои деньги все отдаю маме, она копит мне на мощный компьютер, могла бы проявить тактичность.

— Славик, иди к маме, — в сердцах ответила ему Маша, — и учти: я с тобой сейчас очень тактична.

Надавив на газ, она рванула вперед, подалее от этого маменькиного сынка. Славика она знала с детства, выросли они в одном дворе, ходили в один класс, и было такое ощущение, что Славик — это постоянная составляющая ее жизни. Сколько Маша себя помнила, они всегда дружили — в садике копались в одной песочнице, в школе Славик делал за нее домашнюю работу. Он непременно ее ку-

да-то звал, но Маша неизменно отказывалась. Месяц назад у нее случился нервный срыв, ей исполнилось сорок лет, и, на эмоциях подумав, а вдруг Славик и есть ее судьба, Маша согласилась сходить с ним на лекцию. Позже пожалев о своей минутной слабости много раз, Маша с мурашками по коже вспоминала их незабываемый поход.

Лекционный зал библиотеки был заполнен на четверть, Славик здесь был как рыба в воде, он абсолютно со всеми здоровался и делился впечатлениями о прошлой встрече. Машу он представлял всем как свою девушку, и первые полчаса ей это даже нравилось, пока не началось само мероприятие. Лектор был чуть младше их со Славиком, но вышел с большим достоинством и с видом профессора.

— Сегодня лекция будет посвящена созвездию Водолея и его влиянию на Россию.

Маша, почему-то не поинтересовавшаяся до этого темой лекции, получила первый шок за этот вечер. Минут пять шел непонятный для ее уха бред, пока не встал Славик, подняв руку, как первоклассник.

— А вот это спорное утверждение, со стороны Марса также идет стойкое давление на западную часть России.

— Сядьте, Мирослав Вячеславович, — резко сказал лектор.

— Но позвольте, вы вводите в заблуждение аудиторию, — не унимался Славик.

Аудитории было плевать на то, что они идут не туда в плане познаний влияния созвездия Водолея на Россию, их больше бесило, что Славик срывал лекцию.

— Ты что делаешь? — начала дергать своего горе-ухажера за пиджак Маня. — Садись сейчас же.

— Подожди, Маш, это же Волчанский, — гаденько захихикал Мирослав. — Он мой главный конкурент, я сейчас утру ему нос, ты еще будешь мной гордиться.

Но гордиться не пришлось, через полчаса перекрикивания Славика на пинках выгнали из зала сами слушатели. И вот после этого исторического, по меркам Славика, похода он решил, что должен на ней жениться. Правда, столь яростному намерению противилась мама жениха и немного даты рождения потенциальных молодоженов, которые совсем не подходили друг другу. Но Славик, как истинный научный сотрудник кафедры астрономии, не терял надежды и рассматривал все варианты.

Заходя домой, Маня мечтала только об одном: лечь в кровать и тихо пореветь, досадуя на свою несчастную судьбу. Родители, конечно, были дома, папе шестьдесят пять, маме

шестьдесят, они давно пенсионеры, ведут размеренную и счастливую жизнь.

— Мама, папа, я дома, — крикнула Маша и прошла сразу в свою комнату, надеясь, что у нее есть пара часов, чтобы прийти в себя, но ошиблась — через пять минут на пороге ее комнаты стояли родители.

— Манюня, — сказал напуганный папа, — что-то случилось?

Мама молча ждала Маниного ответа. Не было вариантов, надо было объясняться.

— Мам, пап, все хорошо, не переживайте, меня просто уволили, — еехватило на эту пару слов, и она расплакалась сильно и безудержно, как ребенок, у которого отняли любимую игрушку.

В этот момент позвонили в дверь.

— Мам, это Славик, скажи, что я сплю, он меня караулил у работы, еле вырвалась.

— Не переживай, доча, у мамы никто не пройдет, — с улыбкой сказала она, пытаясь поднять Маше настроение — милые, любимые, они так за нее переживают. В детстве Маня настолько любила родителей, что была уверена, что самые лучшие имена для детей — это имена ее родителей: Иван и Виктория.

Пока мама держала оборону у дверей, папа успокаивал Машу:

— Принцесса, я тебе давно не говорил, что ты самая красивая, а еще что ты очень талантливая и разносторонняя личность, ну и совсем никогда не говорил, что просто необходимо менять работу, ты знаешь, есть такое правило — правило семи лет. Каждые семь лет надо менять работу, квартиру и хобби, — и, сощурившись, хитро продолжил: — Правда, некоторые говорят, и жену, но так как я безумно счастлив с твоей мамой, то предпочитаю первый вариант.

Маня рассмеялась, она любила, когда папа так шутил, сразу казалось, что она маленькая девочка, папа обязательно решит все ее проблемы и все будет хорошо. В комнате понемногу начало воцаряться счастье, но тут вошла мама.

— Что еще случилось? — То, что произошло что-то еще, Маня поняла сразу — на маме не было лица.

— Беда не приходит одна, — грустно сказала мама, теребя в руках бланк телеграммы.

Неосведомленные люди могли спросить, кто в наше время отправляет телеграммы, но только не в их семье. Увидев бланк в руках Виктории Владимировны, и Иван Ильич, и Маня все сразу поняли.

— Тетя Марго? Только ее сейчас мне не хватало, — простонала Маша.

А папа спросил:

— Ну, что еще придумала моя старшая сестра? — В его голосе явно пробивались нотки ужаса.

— Она приезжает в Россию, — ошарашенно ответила мама и, запнувшись, добавила: — Умирать.

За девять дней до Нового года

Дорога убегала далеко, скрываясь за горизонтом, Маня гладила руль своего «жука» и была уверена, что он все понимает и отвечает ей благодарностью. Вчера день был сумасшедший, и телеграмма от тети Марго, родной сестры отца, убила надежду на светлое будущее.

Тетя Марго была первым ребенком в многодетной семье Денисовых. Характер она унаследовала от отца, Ильи Андреевича, стойкий и властный. Выскочив замуж в восемнадцать лет за иностранца, она укатила в солнечную Болгарию, и семья про нее благополучно забыла. Первый раз Марго появилась в 1991 году. Пропитанная духами и туманами, она прилетела из пасмурного Лондона и приказала собрать семью. Честно сказать, после смерти родителей семья Денисовых не дружила. Оставшиеся на родине трое отпры-

сков, по сути родных, а в жизни чужих людей, почти не общались, а их дети и вовсе друга друга не знали. Марго, поплакав на могиле родителей, велела всем срочно собраться в «родовом гнезде» — на родительской даче, но и тут ее поджидала, как говорится, подстава — дача была благополучно продана. Обматерив всех крепкими русскими словами, которые она не то что не забыла, но такое чувство, что даже немного поднакопила с годами, Марго развила бурную деятельность. На момент первого возвращения блудной дочери домой ей было всего сорок три года. Она была молодой трижды вдовой, богатой и полной энергии. Не имея собственных детей, она решила воспитывать племянников, а их, к ее удовольствию, было четверо. Маня, Лёлька, Илья, и попозже появилась Марика. В то время Маня, будучи маленьким тринадцатилетним подростком, восхищалась, как эта энергичная дама умела решать любые вопросы. В наикратчайшие сроки она выкупила родительскую дачу, провела на ней полную реконструкцию, на выходе получив настоящее родовое поместье. Теперь же с периодичностью в пять-шесть месяцев великолепная Марго приезжала навестить родню, телеграммой вызывала в «родовое гнездо» тех людей, которых хотела видеть в данный визит, и никто не

мог ей перечить. Можно было подумать, что виной тому деньги, но это было не так. Тетушка Марго имела особый дар — она умела подчинять людей характером. Маргарита Ильинична Бёркс (по последнему мужу) была прирожденным лидером, она была почти мессией.

Вчера мама была особенно расстроена, в телеграмме четко писалось, что за три дня до Нового года Марго требует присутствия в «гнезде» только племянников, без внуков и братьев. Марго будет зачитывать завещание, так как она собралась умирать.

— Не надо туда ехать, у тебя уважительная причина — тебя уволили, или еще лучше — не будем об этом говорить, скажем, что ты работаешь, — мама на ходу придумывала варианты.

— Ты же понимаешь, Вика, — это уже папа вступил в диалог, отойдя от шока, — тогда она приедет сюда и устроит здесь о боже мой. Марго не терпит отказов.

— Подождите, но ведь она благополучно отписала уже все Лёльке. — Маша тоже выходила из состояния «пожалей себя» и начинала обдумывать данное событие. — Еще в прошлый свой приезд та победила по всем показателям в глазах Марго. Умная, пробивная, знает пять языков, окончила МГИМО, ра-

ботаает в МИДе переводчиком, была замужем, одна воспитывает сына. Бинго!

— Это же Марго, — мама не слышала никаких доводов, — у нее семь пятниц на неделе. Проснулась утром и решила все поменять.

— Я поеду, мам, мне как раз надо сменить обстановку, до Нового года работу все равно уже не найду, хоть отвлекусь.

На том семейный совет был окончен, утром, захватив сумку с вещами, Маня выдвинулась в назначенное место.

Находилась родовое поместье в двадцати пяти километрах от города, в бывшем садовом товариществе «Защитник», а ныне коттеджном поселке «Русь». Когда-то давно землю под сады выделили Маниному деду от Высшего общевойскового командного училища, где он преподавал. С тех пор утекло много воды, сменились хозяева, название поселка и даже пропускной режим, но одно оставалось неизменным — большое красивое озеро; круглое, как блюдце, оно располагалось посередине поселка и было главной достопримечательностью. Летом там купались, зимой катались на коньках, ну и, конечно, рыбачили круглогодично. Вокруг озера было всего шесть домов — везунчиков, как их называли в поселке, калитки с заднего двора выходили напрямую к озеру, поэтому эти участки

были самыми лучшими. В число везунчиков входило и «гнездо», Маня обожала убегать из дома, когда Маргарита предавалась воспоминаниям о бурной молодости, рассказывала по очереди о своих мужьях или учила глупых племянников этикету, в это время Маня предпочитала гулять вокруг озера, читая вслух свои и чужие стихи.

Ключи от «гнезда» были абсолютно у всех членов теперь уже большой семьи, но ездить сюда без приглашения Марго было табу. Раз в месяц она сама назначала, кто поедет проверять семейное имущество. В этот раз Маня решила бунтануть и, никого не предупредив, поехать пораньше. Мысль о том, что ей придется сидеть еще неделю в своей комнате в городе и жалеть себя, была невыносимой.

«Какая, по сути, разница, приеду я двадцать девятого или двадцать третьего декабря», — думала Маня, складывая продукты в тележку. Супермаркет в десяти минутах от поселка радовал своим выбором и ценами. «Почему я всего в жизни боюсь? Боюсь нагрубить людям и сделать им больно. Боюсь сделать что-нибудь, ошибиться, и тогда надо мной все будут смеяться, боюсь выпить чуть больше вина, напиться и прослыть легкомысленной, да что там, боюсь купить в магазине спиртное, ибо

